

EDITORIAL LEADERSHIP

Editor-in-Chief:

Rustam SHAMSHIDDINOV – DSc (Law), Professor

Deputy Editor:

Alokhon ALIKARIEVA – PhD (Sociology), Associate Professor, *National University of Uzbekistan*

Editorial Board:

Azamat AKHMEDOV – DSc (Technology), Associate Professor, *Tashkent State Technical University*

Behzod ABBASOV – PhD (History), Associate Professor, *Namangan State University*

Bekhzod ERNAZAROV – PhD (Sociology), Associate Professor, *Urgench State University*

Botirali VAKHOBOV – PhD (History), Associate Professor, *Namangan State University*

Botirjon MALLABAYEV – PhD (History), Associate Professor, *Namangan State University*

Damira MIRZAKHALILOVA – PhD (Economics), Associate Professor, *Tashkent Branch of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas*

Dilnoza KHAMDAMOVA – PhD (Technology), *Tashkent Institute of Chemical Technology*

Donokhon ACHILOVA – DSc (Medicine), Associate Professor, *Bukhara State Medical Institute*

Farkhod CHORSHANBIYEV – DSc (Agriculture), Associate Professor, *Tashkent State Agrarian University*

Farkhod IBRAGIMOV – DSc (Technology), Associate Professor, *Tashkent State University of Transport*

Jakhongir BOTIROV – PhD (Medicine), *Andijan State Medical Institute*

Javlon JURAYEV – PhD (Agriculture), Associate Professor, *Tashkent State Agrarian University*

Kamaldin YUNUSOV – DSc (Politics), Professor, *Andijan State University*

Laziz KHAYITOV – PhD (Medicine), *Samarkand State Medical Institute*

Marifjon AKHAMEDOV – PhD (Pedagogy), Associate Professor, *State Conservatory of Uzbekistan*

Mokhigul OTAMIRZAEVA – PhD (Geography), *University of Business and Science*

Mokhirakhon MUYDINOVA – PhD (Sociology), *Namangan State University*

Muyassar NAVRUZOVA – PhD (Philology), Associate Professor, *Bukhara State University*

Nigora ASHUROVA – PhD (Medicine), Associate Professor, *Bukhara State Medical Institute*

Nodirakhon NISHONOVA – PhD (Medicine), *Andijan State Medical Institute*

Olga KOMAROVA – Associate Professor, *Uzbekistan State Institute of Arts and Culture*

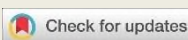
Sarvara BOBOKULOVA – PhD (Medicine), *Bukhara State Medical Institute*

Shakhnoza SADIKOVA – Associate Professor, *Tashkent State Technical University*

Sirojiddin SHIRMATOV – PhD (Pedagogy), Associate Professor, *Customs Institute of the State Customs Committee*

Umid MUKHITDINOV – PhD (Technology), Associate Professor, *Tashkent Institute of Chemical Technology*

Vasila UMAROVA – PhD in (Technology), Associate Professor, *Tashkent Institute of Chemical Technology*

PROBLEMS OF ENSURING THE PROCEDURAL INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR IN THE PRE-TRIAL INVESTIGATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Elbek Pardayev¹.

¹ Master's Student, Academy of Law Enforcement Agencies of the Republic of Uzbekistan.

 <https://doi.org/10.5281/zenodo.18812467>

Key words: procedural independence, investigator, inquiry officer, pre-trial investigation, prosecutorial supervision, institutional reform, criminal procedure, Uzbekistan.

ABSTRACT

The article examines the problem of ensuring the procedural independence of investigators and inquiry officers within the criminal justice system of the Republic of Uzbekistan. Based on a systematic analysis of legislation, empirical sociological research, and a review of law enforcement practice, the study identifies institutional factors that constrain the genuine autonomy of investigative personnel. It demonstrates that the formally enshrined guarantees of independence are largely declarative in nature and are not supported by effective enforcement mechanisms. The research establishes that the dominant position of the prosecutor's office, the hierarchical departmental structure of investigative bodies, the emphasis on statistical performance indicators, and the career-related dependency of personnel significantly influence procedural decision-making. Survey findings confirm the existence of systematic interference in the course of investigations, which adversely affects the proper legal classification of crimes and compliance with procedural time limits. The article substantiates the need for comprehensive institutional reforms, including strengthening the legal status of investigators and redistributing procedural powers within the pre-trial investigation framework.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова:

процессуальная независимость, следователь, дознаватель, досудебное расследование, прокурорский надзор, институциональная реформа, уголовный процесс, Узбекистан.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема обеспечения процессуальной независимости следователя и дознавателя в уголовно-процессуальной системе Республики Узбекистан. На основе системного анализа законодательства, эмпирического социологического исследования и обобщения правоприменительной практики выявлены институциональные факторы, ограничивающие реальную самостоятельность следственных работников. Показано, что формально закреплённые гарантии независимости во многом носят декларативный характер и не подкреплены эффективными механизмами реализации. Установлено, что доминирующее положение прокуратуры, ведомственно-иерархическая структура следственных органов, ориентация на статистические показатели, а также карьерная зависимость сотрудников существенно влияют на принятие процессуальных решений. Результаты анкетирования подтверждают наличие систематического вмешательства в ход расследования, что отражается на качестве квалификации преступлений и соблюдении процессуальных сроков. Обосновывается необходимость системных институциональных реформ, включая совершенствование правового статуса следователя и перераспределение полномочий в системе предварительного расследования.

Процессуальная независимость следователя является одним из ключевых условий обеспечения законности, справедливости и защиты прав человека в уголовном процессе. От степени его самостоятельности на стадии предварительного расследования напрямую зависят объективность расследования, обоснованность принимаемых процессуальных решений и уровень доверия общества к результатам досудебного производства.

Несмотря на формальное закрепление в законодательстве Республики Узбекистан отдельных гарантий независимости следователя, правоприменительная практика свидетельствует о наличии устойчивых институциональных ограничений.

Система предварительного расследования функционирует в условиях централизованного прокурорского руководства, при котором значительная часть следственных и процессуальных действий осуществляется с предварительного разрешения прокурора либо находится под его последующим контролем. Доминирующее положение прокуратуры в сочетании с ведомственно-иерархическими связями, асимметрией ответственности, ориентацией на статистические показатели, а также карьерной и социальной зависимостью следователей существенно ограничивает их процессуальную самостоятельность.

Актуальность исследования обусловлена тем, что сохранение указанных факторов приводит к снижению качества расследования, увеличению числа случаев неправильной квалификации преступлений и подрыву доверия к уголовно-процессуальной системе. В этой связи целью статьи является анализ причин ограничения процессуальной независимости следователя и обоснование необходимости системных институциональных реформ, направленных на формирование реально независимого следственного института в Республике Узбекистан.

В теории уголовно-процессуального права следователь и дознаватель рассматриваются как должностные лица, уполномоченные осуществлять предварительное расследование по уголовному делу. Они относятся к числу участников уголовного процесса наряду с прокурором, потерпевшим и обвиняемым и выполняют функции, связанные с осуществлением уголовного преследования.

К основным задачам уголовно-процессуального законодательства относятся своевременное и полное раскрытие преступлений, привлечение виновных к справедливой ответственности, недопущение привлечения к ответственности невиновных и обеспечение правильного применения закона. В данном контексте чёткое определение правового статуса следователя, его места и полномочий в уголовном процессе имеет принципиальное значение для эффективной реализации указанных задач.

В научной литературе существуют различные подходы к пониманию процессуальной независимости следователя. Одни авторы рассматривают её как возможность принятия процессуальных решений на основе личной инициативы и внутреннего убеждения следователя; другие интерпретируют данное понятие в широком и узком смыслах. В широком смысле подчёркивается необходимость определённой свободы следователя в пределах ведомственной системы, однако его служебная зависимость от руководства существенно ограничивает такую свободу. В узком смысле независимость проявляется в отношениях следователя с другими участниками уголовного процесса [1].

Несмотря на формальное закрепление гарантий независимости следователя в законодательстве, на практике они реализуются не в полной мере. Сильная ведомственная подчинённость, вмешательство руководства и необходимость чрезмерного прокурорского согласования процессуальных решений существенно ограничивают самостоятельность следователя. В результате снижаются объективность и инициативность следственной деятельности, тогда как следователь должен обладать реальной возможностью принимать решения, руководствуясь материалами дела и внутренним убеждением.

В соответствии со статьями 36 и 38¹¹² Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан следователь и дознаватель наделены правом осуществлять 38 следственных и процессуальных действий, из которых 17 (44,7 %) допускаются исключительно с предварительного разрешения прокурора, а остальные подлежат последующему прокурорскому контролю [2].

Согласно Закону Республики Узбекистан от 29 августа 2001 года «О прокуратуре», органам прокуратуры предоставлены исключительные и доминирующие полномочия по надзору за предварительным расследованием и дознанием. Прокуратура представляет собой единую централизованную систему, возглавляемую Генеральным прокурором, который осуществляет постоянный контроль и процессуальное руководство деятельностью органов, ведущих оперативно-розыскную деятельность, доследственную проверку, дознание и предварительное следствие.

Прокурор вправе отменять и изменять процессуальные решения следователя или дознавателя, передавать уголовные дела между органами, прекращать и возобновлять производство, а также принимать дело к собственному производству.

Утверждение обвинительного заключения и направление дела в суд возможны исключительно с согласия прокурора; при этом вышестоящий прокурор вправе отменить любое решение нижестоящего прокурора [3]. Таким образом, система предварительного расследования в Узбекистане функционирует в условиях жёсткого централизованного прокурорского руководства, что позволяет характеризовать её как модель с выраженным прокурорским доминированием.

Гарантии процессуальной независимости следователя выражаются в обязанности исполнения его законных требований, праве самостоятельно давать правовую оценку обстоятельствам уголовного дела и принимать необходимые процессуальные решения. Следователь вправе определять направление расследования, проводить следственные действия и выносить процессуальные решения, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение согласия прокурора.

Законодательство формально закрепляет ряд гарантий независимости следователя, включая право обжаловать письменные указания прокурора вышестоящему прокурору, возможность обжалования указаний руководителя следственного подразделения, а также установление уголовной ответственности за незаконное вмешательство в расследование и воспрепятствование деятельности следователя [4].

Вместе с тем правоприменительная практика показывает, что указанные гарантии носят преимущественно декларативный характер и не обеспечивают реальной процессуальной самостоятельности следователя.

В рамках исследования было проведено анкетирование 975 следователей и дознавателей с целью оценки степени влияния прокурора на их процессуальную самостоятельность, а также выявления основных препятствий в ходе расследования.

Результаты опроса показали, что в 48,5 % случаев требования прокурора об изменении квалификации преступления не выдвигались, однако в 51,5 % такие требования имели место: у 27 % респондентов – от 1 до 5 раз, у 16,5 % – от 6 до 10 раз и у 7,8 % – более 10 раз. В 2025 году из 61 481 уголовного дела, направленного в суд с обвинительным заключением или актом, по 8 679 делам (14,1 %) судами были вынесены оправдательные решения либо прекращено обвинение в связи с неправильной квалификацией, что косвенно свидетельствует об ограничениях самостоятельности следователей при принятии процессуальных решений [5].

Кроме того, 71,8 % опрошенных отметили случаи признания прокурорами собранных доказательств недостаточными с требованием проведения дополнительных следственных действий, тогда как лишь 25,9 % указали на отсутствие подобных ситуаций. По мнению 61,7 % респондентов, прокурорское вмешательство препятствовало завершению расследования в установленные процессуальные сроки [6].

В совокупности полученные данные свидетельствуют о наличии существенных ограничений профессиональной и процессуальной самостоятельности следователей и дознавателей в практике предварительного расследования.

Лишь 26,5 % следователей и дознавателей положительно оценили объективность прокурорского надзора. Практика обжалования указаний или решений прокурора вышестоящему прокурору фактически не применяется: в 55,5 % случаев такие обращения отсутствовали [7].

Большинство респондентов поддержали меры, направленные на институциональные реформы и укрепление процессуальной независимости следователей. Так, 80,9 % опрошенных высказались за создание единого следственного органа, 66,2 % – за утверждение следственных материалов руководителем следственного подразделения, а 78,8 % – за принятие единого нормативного правового акта, чётко определяющего правовой статус, функции, права, обязанности и гарантии деятельности следователя [8].

Принятие специального закона, регулирующего деятельность следователя, рассматривается как инструмент не только уточнения его правового статуса, но и обеспечения баланса процессуальных отношений, что способствует повышению объективности и эффективности расследования и укреплению профессиональной независимости следственных органов.

Результаты анкетирования также показали, что ведомственные и институциональные зависимости существенно влияют на процессуальную самостоятельность следователей: 47,7 % респондентов указали на случаи воздействия со стороны ведомственного руководства в форме просьб либо давления [9]. Хотя с процессуально-правовой точки зрения следователь не подчиняется руководителю органа и обязан принимать решения самостоятельно, на практике его деятельность обусловлена служебной иерархией и организационной зависимостью. Факторы кадрового подчинения, служебного режима и внутренних управленческих отношений фактически ограничивают самостоятельность следователя.

Системные причины снижения процессуальной независимости могут быть сгруппированы следующим образом.

Во-первых, институциональное доминирование прокуратуры и её процессуальная монополия. Широкие надзорные и координирующие полномочия объективно ограничивают самостоятельность следователя при принятии решений.

Во-вторых, ведомственно-корпоративные интересы и вертикальная иерархия управления, создающие условия для непроцессуального давления через показатели раскрываемости и статистические ориентиры.

В-третьих, коррупционные и клиентелистские риски, усиливаемые сравнительно невысоким уровнем материального и социального обеспечения.

В-четвёртых, карьерная и социальная зависимость, формирующая мотивацию к конформному поведению.

В-пятых, асимметричность ответственности, при которой риски следователя значительно выше, чем риски руководства или прокурора.

В-шестых, доминирование статистической отчётности и «культуры показателей».

В-седьмых, историко-культурные факторы вертикального подчинения.

В-восьмых, недостаточность нормативно-правовых гарантий и отсутствие закрепления процессуальной независимости следователя в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса.

В результате следователь утрачивает статус полноценного процессуального субъекта и фактически превращается в исполнителя управленческих решений, что снижает объективность и эффективность расследования.

Сохранение указанных факторов ведёт к искажению результатов расследования, росту числа ошибочных решений, снижению доверия граждан к государственным институтам и закреплению непроцессуальных практик.

Решение выявленных проблем возможно исключительно посредством системных институциональных преобразований, включая создание единого следственного органа, принятие специального закона о статусе следователя и перераспределение процессуальных полномочий.

В отсутствие таких реформ процессуальная независимость следователя будет сохранять декларативный характер, а формирование действительно независимого следственного института в Республике Узбекистан останется нереализованной задачей.

Заключение

Проведённый анализ показал, что процессуальная независимость следователя в Республике Узбекистан формально закреплена в законодательстве, однако на практике существенно ограничивается совокупностью институциональных, организационных и социально-правовых факторов. Центральное место среди них занимает доминирующая роль прокуратуры в системе предварительного расследования, выражающаяся в широких надзорных и координирующих полномочиях, а также в возможности непосредственного влияния на принятие ключевых процессуальных решений.

Эмпирические данные, полученные в ходе анкетирования следователей и дознавателей, подтверждают наличие устойчивых ограничений профессиональной самостоятельности, проявляющихся в избыточном согласовании решений, вмешательстве ведомственного руководства, ориентации на статистические показатели и асимметрии ответственности.

Указанные обстоятельства формируют модель, при которой следователь объективно лишён полноценной автономии в принятии процессуальных решений и вынужден учитывать институциональные риски, выходящие за пределы правовой оценки материалов дела.

Системный характер выявленных проблем свидетельствует о том, что их преодоление невозможно посредством частичных корректировок нормативной базы или административных мер. Требуется комплексная институциональная трансформация, включающая пересмотр баланса полномочий между следственными органами и прокуратурой, законодательное закрепление процессуальной независимости следователя в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса, а также создание организационных механизмов, минимизирующих ведомственное и непроцессуальное воздействие.

Обеспечение реальной процессуальной независимости следователя является не только условием повышения качества расследования, но и важнейшей гарантией соблюдения прав человека, укрепления законности и доверия общества к уголовно-процессуальной системе. Формирование самостоятельного и профессионально устойчивого следственного института должно рассматриваться как стратегическое направление развития уголовной юстиции и элемент долгосрочной правовой модернизации государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hartmann K., Wenzelburger G. Uncertainty, risk and the use of algorithms in policy decisions: A case study on criminal justice in the USA // *Policy Sciences*. 2021. Vol. 54. No. 2. P. 269–287. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11077-020-09414-y>
2. Назаров А. Совершенствование баланса судебной, прокурорской и следственной властей для устранения следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса // *State and Law*. 2023. № 2 (96). С. 28–34. DOI: <https://doi.org/10.46991/S&L/2023.96.028>
3. Меденцева Е. В., Поветкина Я. И. Актуальные проблемы организационно-правовой деятельности Следственного комитета Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2025. № 4-2 (103). С. 257–262. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-organizatsionno-pravovoy-deyatelnosti-sledstvennogo-komiteta-rossiyskoy-federatsii>
4. Элмурзаев Б., Мавланов К. Вопросы обеспечения процессуальной независимости следователя в уголовном процессе // *Общество и инновации*. 2022. Т. 3. № 1. С. 84–88. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/socinov/article/view/40604>
5. Ўзбекистон Республикаси Жиноят-процессуал кодекси: қабул қилинган 22.09.1994 й. (01.02.2026 йил ҳолатига). URL: <https://lex.uz/docs/111460>
6. Ўзбекистон Республикасининг “Прокуратура тўғрисида”ги Қонуни: 29.07.2001 й. № 257. URL: <https://lex.uz/acts/106197>
7. Социологик тадқиқот натижалари таҳлили асосида муаллиф томонидан шакллантирилган маълумотлар (01.01.2026).

НАУЧНЫЙ ОТЗЫВ

Представленная статья посвящена комплексному исследованию процессуальной независимости следователя в уголовном процессе Республики Узбекистан и затрагивает фундаментальные проблемы институционального баланса в системе досудебного производства. Актуальность темы обусловлена современными тенденциями реформирования уголовной юстиции, ориентированными на повышение стандартов законности, усиление гарантий прав человека и институциональное разграничение полномочий между органами предварительного расследования и прокуратурой.

Автор демонстрирует высокий уровень теоретической подготовки, последовательно раскрывая эволюцию научных подходов к понятию процессуальной независимости следователя. В работе проведён содержательный анализ доктринальных позиций, обосновано разграничение широкого и узкого понимания независимости, а также показано её значение как структурного элемента принципа справедливого уголовного процесса. Теоретические положения логично соотнесены с действующим уголовно-процессуальным законодательством, что придаёт исследованию методологическую целостность.

Существенным достоинством статьи является глубокий институциональный анализ модели прокурорского руководства предварительным расследованием. На основе норм Уголовно-процессуального кодекса и законодательства о прокуратуре автор аргументированно выявляет дисбаланс процессуальных полномочий, характеризующийся высокой степенью централизованного контроля и ограниченной автономией следственных органов. Выводы подтверждаются количественными данными, полученными в результате масштабного анкетирования практических работников, что значительно повышает доказательственную базу исследования.

Научная новизна работы заключается в системной классификации факторов, снижающих реальную процессуальную самостоятельность следователя. Автор обоснованно выделяет институциональные, организационные, социально-экономические и культурно-правовые детерминанты, формирующие устойчивую модель зависимого функционирования следственных органов. Особенно ценной представляется характеристика асимметрии ответственности и доминирования статистических индикаторов как механизмов косвенного управленческого давления.

Методологическую основу исследования составили анализ нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод, элементы институционального анализа, а также социологический опрос следователей и дознавателей. Использование эмпирических данных в сочетании с доктринальным и нормативным анализом обеспечивает комплексность исследования и позволяет сформулировать обоснованные выводы.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов при подготовке изменений в уголовно-процессуальное законодательство, разработке ведомственных регламентов, а также в образовательном процессе юридических вузов при изучении дисциплин уголовно-процессуального цикла.

В целом статья представляет собой самостоятельное научное исследование высокого уровня, обладающее значительной теоретической и прикладной ценностью. Выводы автора отличаются логичностью, аргументированностью и стратегической направленностью, а предложенные рекомендации могут способствовать формированию более сбалансированной и устойчивой модели предварительного расследования.

Disclaimer ©

This editorial review has been prepared by the Editorial Board of the *Journal of Research & Development* for the purposes of internal editorial assessment and quality assurance within the journal's publication process. This review is intended to provide an analytical overview of the scientific content, methodological approach, and thematic relevance of the submitted work. It does not constitute peer review, does not replace independent expert evaluation, and should not be interpreted as reflecting the personal views of the author(s) or as representing the official position of the journal. The Editorial Board assumes no responsibility for the implementation, interpretation, or consequences of any observations, comments, or analytical conclusions contained in this review. The review may include content generated with the assistance of artificial intelligence tools used for editorial support purposes.

This editorial review is provided solely to enhance transparency in the editorial process and to support the maintenance of academic and publication standards.